

В.С. Киселев

ЧТО ПОЧИТАТЬ, ИЛИ ОСКОЛКИ КАНОНА: КЛАССИКА В КОММЕРЧЕСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ БИБЛИОТЕКАХ РУНЕТА

Статья посвящена новой конфигурации национального литературного канона, складывающегося в пределах коммерческих электронных библиотек русской-язычного Интернета. Предметом рассмотрения выступают стратегии репрезентации классического наследия в библиотеках Альдебаран, МуВook, Либрусек, ЛитРес, LiveLib и его рецепция в читательских отзывах. Делается вывод, что функционирование классики здесь, в отсутствие других значимых социокультурных акторов, ставится в зависимость от читательского восприятия. С одной стороны, это способствует снятию «школьного» отчуждения и включает текст в индивидуальную историю личности. С другой – горизонтальный уровень общения актуализирует максимально общий, объединяющий опыт читателей-рецензентов, что редуцирует обращение к национальным, историческим, религиозным, философским или социальным аспектам произведений, а на первый план выдвигает тексты, интересные с точки зрения эмоциональной насыщенности, занимательности и психологической узнаваемости героев.

Ключевые слова: социология литературы, национальный литературный канон, электронная библиотека, массовая культура.

На протяжении XIX–XX вв. художественная литература в западном мире служила важным элементом национального строительства, формируя общую культурную память и выстраивая национальную идентичность. Бенедикт Андерсон в своем исследовании истоков национализма, отталкиваясь от идей франкфуртской социологической школы, определил модерный капитализм как «печатный», построенный на тиражировании текстов и стоящих за ними устойчивых образно-идеологических представлений [1. С. 60–70]. Инструмент регулирования этого печатного пространства – отбор наиболее репрезентативных для национального сообщества текстов и выстраивание их в иерархическую систему, составляющую литературный канон, пантеон классических произведений. С социологической точки зрения он выступал результатом динамического консенсуса мировоззренческих программ, предлагавшихся значимыми акторами национальной культурной жизни. В институциональном аспекте формирование и поддержание его составляло одну из

задач журналистики, литературной критики, академического литературоведения, системы школьного и высшего образования, книгоиздания и библиотечного комплектования¹. В русской культуре этот канон определился к концу XIX – началу XX вв. [4, 5] и впоследствии, несмотря на различные социально-исторические сломы, ведущие к борьбе элит и переписыванию программ имперского и национального строительства, обнаружил свою устойчивость, способность к дополнению и адаптации (об отдельных эпизодах и стратегиях этой борьбы см.: [6, 7, 8]).

Новые культурные условия рубежа XX–XXI вв. существенно изменили процесс литературной коммуникации, что особенно болезненно сказалось в России, где усиление глобализационных, транскультурных тенденций, ведущих к пересмотру «национализирующих» стратегий, и быстрый прогресс информационных технологий наложились на изменение общественной системы, крах советской империи и падение престижа прежних культурных элит. Литературный сегмент «печатного капитализма» в результате оказался на порядок меньше, чем ранее, востребованным массовой аудиторией, что подточило многие традиционные институты словесности – «толстые журналы» и литературную критику как их непременную часть, систему советского художественного книгоиздания с его миллионными тиражами, авторитет писательского статуса [9. С. 306–323, 329–341]. В XXI в. для российского читателя молодого и среднего поколения, даже покупающего бумажные книги, литература ушла в Интернет, откуда черпаются сведения об авторах и их произведениях, где иной вид приобретают интерпретационные схемы, транслируемые системой школьного образования, критикой и академическим сообществом, и где существенно проблематизируется сама возможность сохранения канона в его прежнем виде как орудия национальной консолидации. Здесь реальность современной космополитичной культурной среды и сама структура интернет-коммуникации зачастую вступают в противоречие с идеологически мотивированными запросами на сохранение и укрепление национальной идентичности, на патриотическую пропаганду, столь востребованную и общественно приветствуемую в последние годы.

¹ Анализ функций и институциональных форм канона см. в книге Ф. Кермоуда [2].
О современных интерпретациях проблемы см. обобщающую статью Б.В. Дубина [3].

Тем не менее роль Интернета как значимого института современной литературной социологии пока мало оценена. Так, Б.В. Дубин, перечисляя «социальные контексты, в которых так или иначе задаются представления о литературе, оценки новых литературных образцов, поддерживаются, трансформируются, распадаются представления о национальной и мировой литературной классике» [10. С. 68], указывает на школу, литературную критику толстых и рецензирование «глянцевых» и тонких журналов, жюри литературных премий и общедоступные книжные киоски и прилавки, но из ресурсов Интернета упоминает только онлайн-журналы («Русский журнал»). В немногочисленных исследованиях, где в той или иной мере освещаются проблемы социологии литературного рунета [11–14], проблема канона находится на периферии внимания. Ее впервые обозначили Э. Шмидт [15] и В. Струков [16], а в отчетливой форме артикулировал К.Ю. Мьёр в статье «Онлайн-библиотека и классический литературный канон в постсоветской России: Замечания о Фундаментальной электронной библиотеке “Русская литература и фольклор”» [17], где были проанализированы принципы формирования «народных» интернет-библиотек 1990-х гг. (библиотека Максима Мошкова, Якова Кротова), выступивших цифровым аналогом «самиздата» и предлагавших децентрированную с точки зрения канона репрезентацию литературы, и установки новых официально-академических ресурсов начала 2000-х гг. (Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор», Русская виртуальная библиотека), призванных распространять проверенную, научно востребованную информацию и тяготеющих к нормативности, тщательному ограничению пантеона классиков.

Тем не менее основной корпус коммерческих онлайн-библиотек и различных сайтов, помогающих массовому читателю сориентироваться в литературном поле и найти интересные для себя тексты, и здесь оказался вне поля зрения. Однако с превращением Интернета в часть повседневной культуры именно они взяли на себя роль организаторов литературной коммуникации и определили стандарты в отборе, систематизации и подаче материала. В последнее десятилетие энтузиазм просветителей, предлагающих онлайн-площадки для собирания культурно значимых произведений или для публикации новых текстов, последовательно вытесняется ориентацией на продажу. Если ресурсы 1990-х – начала 2000-х гг., самодеятельные или

официально-академические, шли от определенной авторской задачи, воплощали культуртрегерскую концепцию, то современные в большинстве идут от читателя, стремясь удовлетворить максимально широкий спектр интересов и попасть в ожидания разных групп покупателей.

В этом пространстве литературный канон, сформированный предшествующей культурной традицией, сохраняется лишь в виде рудиментов, некоего остаточного информационного фона, присутствующего в сознании пользователей и сформированного за пределами интернет-коммуникации. Прямой отсылкой к нему являются, в частности, подборки произведений, входящих в школьную программу. В электронных библиотеках Альдебаран, MyBook, Либрусек и ряде других они присутствуют в виде серий «Список школьной литературы 7–8 класс», «Список школьной литературы 9 класс», «Список школьной литературы 10–11 класс». В Альдебаране эти серии включают соответственно 41, 16 и 58 книг. В библиотеке ЛитРес они объединены тегом «Список школьной литературы» (с теми же вариантами по классам). В «социальной сети читателей книг» LiveLib тег «Школьная программа» группирует обширный ряд читательских подборок книг разного объема (42 подборки на 27.11.2015, в том числе «Книги из школьной программы, прошедшие мимо меня», «Школьная программа по литературе для начальных классов 1-4 класс», «Список чтения на лето. 6–11 класс» и др.).

Подобным рудиментом выступает и устойчивый раздел «Классика» (в том числе «Русская классика») в большинстве коммерческих онлайн-библиотек. В библиотеке ЛитРес, например, канонические тексты собраны в рубрике «Русская классика» (4895 текстов) в разделе «Жанры / Классика». Репрезентация классики как некоего метажанра без учета ее реальной жанрово-родовой разнородности – устойчивая черта современных ресурсов, что свидетельствует о синкретичном восприятии читательской аудитории, для которой классичность ассоциируется со способом письма, приобретает эссенциалистскую природу, неотделимую от текстов. Такой перевод функционального (произведение, играющее роль классического) в существенное (классичность как свойство произведения) отражает чувство культурной дистанции, превращение классики в музейный экспонат, выключенный из актуального настоящего.

Дистанцирование от классики подтверждает и статистика. По данным опроса ВЦИОМ от 25 мая 2014 г., регулярными читателями русской и зарубежной классики назвали себя 9% респондентов. Здесь нужно, кроме того, учитывать, что часть из них ориентировала свой ответ на общественно одобряемый стереотип культурности, не испытывая реального интереса к «школьным» текстам¹. Показательно, что на большинстве сайтов, организующих книжный поиск, читательские оценки русских классических произведений присутствует в небольшом (по сравнению с другими разделами) и фрагментарном виде. Так, в популярной поисковой системе Книгопоиск, где есть подборка «Список русской классической литературы» из 39 произведений, основная часть не имеет или имеет 1–2 читательские рецензии.

Если обратиться непосредственно к читательским отзывам и взять в качестве примера «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского в библиотеке ЛитРес (текст сопровождается тегами «Список школьной литературы 10–11 класс», «социальная проза», «философская проза», «становление героя», 27 отзывов), то они в качестве первичной реакции обычно демонстрируют отчужденность: текст, во-первых, связывается со сферой школьной регламентации, а во-вторых, описывается как экзистенциально безразличный:

В школе не смог читать Достоевского. Недавно решил убрать этот пробел и прочитать «Преступление и наказание» (Пуя1281); «Я же сама прочитала эту книгу в школе, где нам ее задавали прочитать. Сначала меня роман особо не вдохновил» (Настенька); «Так же как и многие, в школьной программе пропустила для себя это произведение, в силу возраста...» (iphA8FAD822CFE); «Так получилось, что в школьный период я не читала это произведение. И спустя 6 лет после окончания школы что-то внутри меня «заставило» прочитать эту книгу. Я не ожидала такого от себя» (boss213) и т.п. (<http://www.litres.ru/fedor-dostoevskiy/prestuplenie-i-nakazanie/otzivi/>)

¹ Как справедливо заметил Б.В. Дубин, для значительной группы современных читателей «литературный канон если и существует, то лишь в виде общей ценностной рамки <...> демонстрируемой “другим”, более образованным в ситуациях культурной неадекватности (как удостоверение своей грамотности, нормальности, культурности и проч.)» [10. С. 69–70].

В качестве стимулов, мотивирующих все же дальнейшее прочтение текста, читатели называют два, первый из которых артикулируется отчетливо и отражает имиджевый статус классики для национального самосознания. Подобные мотивации имеют риторический характер и в отзыве несут ощутимые отголоски чужого «авторитетного» слова – в попытках его интериоризации: «Книги Достоевского пользуются большим успехом не только в России, но он еще получил мировое признание и за рубежом. За границей его романы как "Идиот" и "Преступление и наказание", являются самыми популярными. Он сыскал огромное признание среди англо-язычных, ведь по таким книгам и помнят, какой вклад принесли русские писатели в мир искусства» (Настенька); «В данном произведении понимаешь, что такое русская классика. Какие гении жили в нашей стране раньше» (Пуя1281); «Тяжёлая книга. Лично для меня, не знаю как другие, в школе только я стараюсь читать всё по программе. Но должна сказать, я не жалею, что её прочитала. Это классика, русская классика. Думаю, каждый россиянин обязан её прочитать. Даже если не понравится, просто почитать. Так мы ближе поймём нашу культуру» (vk_153533945) (<http://www.litres.ru/fedor-dostoevskiy/prestuplenie-i-nakazanie/otzivi/>).

Вторая мотивация прочтения излагается, как правило, сбивчиво и фиксирует экзистенциальный отклик на текст, вызывающий удивление созвучием «музейного экспоната» проблемам современного человека. Здесь важным объяснительным приемом, своеобразным риторическим штампом, становится отсылка к взрослению, которое позволяет лично воспринять произведение, преодолеть культурный барьер, не уходящий тем не менее из поля восприятия: «А также понимаешь, что до любой книги нужно дорасти...» (Пуя1281); «После 30-ти книга воспринимается совсем иначе, нежели в подростковом периоде. Тогда она захватила меня с головой переживаниями героя и сопоставлением с ним. Теперь – сравнением времен, эпох и нравов» (Rodion); «Сейчас прочитав "Преступление и наказание" не могла оторваться от книги! Идеалы... Гордость... Страдания... Любовь... Исповедь... Все это осталось так же актуально и в наш век! Столько я пережила, читая...» (iphA8FAD822CFFE); «Когда уже в жизни встретил все типажи, и периферийного Лужина, и хорошего парня Разумихина, пообщался с пьяницами и проститутками, имел дела с бизнесменами свидригайловыми, имел приводы и

общение со следователями, и бывшими заключенными – то их мир кажется гармоничным, и остаётся только даваться диву от пронизательности Фёдора Михайловича» (kapets) (<http://www.litres.ru/fedor-dostoevskiy/prestuplenie-i-nakazanie/otzivi/>).

Эта подборка наглядно демонстрирует специфический кризис интерпретаций: читатель знает о классическом статусе текста, но не понимает, как можно определить его смысл и связать с формированием личностной идентичности. Подобные проблемы решаются подключением к авторитетной мировоззренческой парадигме, транслируемой той или иной группой культурной элиты через СМИ и институты литературной критики, но в российском случае они либо мало заинтересованы в актуализации классики («модная тусовка»), либо утратили свой «символический капитал» и имеют ограниченный выход к большой аудитории с значимыми для нее темами, либо воспринимают классику преимущественно с имиджевой, инструментально-пропагандистской стороны. Тем самым читатель интернет-библиотек остается один на один с книгой, и помощь ему может оказать только форма подачи, система элементов, организующих информационный контекст. Для классики это имеет особое значение. Классическое произведение существует в национальной культуре, будучи включенным в диахронный ряд, связанным отношениями преемственности с предшествующей традицией и окруженным полем последующей рецепции.

Сохранение подобного контекста было установкой «народных» библиотек 1990-х гг. и первостепенной задачей академических ресурсов начала 2000-х. Так, в библиотеке Мошкова Lib.ru произведения, включенные в раздел «Русская классика», сгруппированы вокруг личности писателя, поданы в жанровой парадигме его творчества, по возможности, разнообразно (включая критические, публицистические и эпистолярные тексты) и сопровождаются блоком рецептивных материалов (воспоминания, критика, исследования о литераторе), а также ссылками на персональные интернет-ресурсы (сайты или страницы, посвященные классике). Если сравнить в этом плане материалы других рубрик библиотеки, то здесь представление автора в подавляющем большинстве случаев ограничивается только списком размещенных текстов. Тем самым классика сохраняет свой особый ценностный ореол, а корреспонденты Мошкова стремятся не только разместить классический текст, но и дать минимальные от-

правные точки для интерпретации. Это позволяет существенно скорректировать мнение К.Ю. Мьёра о безразличии «народных» библиотек к канону: «По крайней мере до 2004 г. библиотека Мошкова была открыта для текстов любого рода. Иначе говоря, распространение литературы посредством нее осуществлялось безотносительно к канону (будь то традиционный русский канон или же какой-нибудь альтернативный). Литература публиковалась исходя из индивидуальных интересов и вкуса» [17]. С учетом качественной стороны картина меняется: состав текстов может быть сколь угодно широким, но произведения благодаря особенностям репрезентации (имеющие или не имеющие рецептивное окружение) неравноправны, имеют разный вес для читателя.

В РВБ и ФЭБ все названные элементы являются обязательными и само представление канонического писателя стремится к максимальной полноте и академической точности. Разработчики ФЭБ, например, ставят перед собой следующие цели: «<...> установку на полноту представления информации, необходимой и достаточной для научных исследований; соответствие отбираемых материалов современному академическому уровню; точность электронного воспроизведения печатных источников; обязательное наличие библиографической идентификации всех произведений; обеспечение пользователя программными средствами, рассчитанными на филологическую работу с текстами» и др. [18]. При таком подходе интерпретационное поле подавляет текст: количество исследований и критических статей о творчестве писателей гораздо больше, чем самих классических произведений, а ориентация на высокий авторитет интерпретирующих источников превращается в нормативность, в исключение мировоззренческой конкуренции и возможности альтернативных прочтений. Показательно, что в ФЭБ, например, возможность обратной связи с читателем предусмотрена только через «Гостевую книгу», где пользователи в подавляющем большинстве оставляют лишь технические просьбы о поиске или размещении определенных текстов. Пространства для личностной коммуникации и обсуждения интерпретационных моделей здесь нет.

В коммерческих и массовых библиотеках последнего десятилетия информационный контекст классики, наоборот, сокращен и в минимальной степени отличается от подачи любой другой книги. Например, в библиотеке MyBook он редуцирован до стереотипных

аннотации, подборки читательских рецензий и ряда цитат. «Капитанская дочка», в частности, свой канонический статус подтверждает только через аннотацию, построенную на декларативных заявлениях: «Бессмертное произведение Александра Сергеевича Пушкина оставило след в сердцах целых поколений, которые выросли на романе «Капитанская дочка». Борьба за честь и любовь проходит на фоне исторического события – восстания Емельяна Пугачева в эпоху правления Екатерины Великой. <...> Увлекательный сюжет и прекрасный слог Пушкина сделали «Капитанскую дочку» одной из любимых книг для тысяч читателей. Произведение по праву считается классикой отечественной литературы» (<https://mybook.ru/author/aleksandr-sergeevich-pushkin/kapitanskaya-dochka-1/>).

Отзывы (числом 4) здесь стремятся к максимальной краткости: «Отличная книга желаю всем прочитать её до конца»; «Книга хорошая, но... Сюжет иногда кажется затяжным и скучным»; «Классная книга»; «Понравилось!» (<https://mybook.ru/author/aleksandr-sergeevich-pushkin/kapitanskaya-dochka-1/reviews/>). Точно так же (аннотация плюс отзывы) поданы тексты в библиотеке ЛитРес, Альдебаран, Либрусек и большинстве других.

Здесь стоит указать на одно значимое и плодотворное исключение, совмещающее функции коммерческой электронной библиотеки и социальной сети. Это «живая библиотека» LiveLib (www.livelib.ru; основана в 2007 г.), которая в значительно большей степени сохраняет информационный и интерпретационный контекст классики. Здесь каждая книга (произведение) сопровождается вкладками «Интересные факты», где кратко описываются «примыкающие» к ней тексты автора, а также «источки и предшественники», «История» (творческая история, история изданий), «Сюжет» (лапидарный пересказ), «Экранизации» и «Ссылки» (в основном к статьям Википедии). «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, например, репрезентируется через следующую информацию: «Интересные факты».

Примыкающие произведения Лермонтова. «Княгиня Лиговская» (1837) – раннее незаконченное произведение Лермонтова. Место действия романа – Петербург 1830-х годов, высший свет (чиновники, офицеры, дворяне). Судя по тексту, действие романа происходит до описываемых в «Герое нашего времени» событий. В основу романа положены отношения гвардейского офицера Печорина и его бывшей возлюбленной, княгини Лиговской, а также конфликт меж-

ду Печориным и бедным чиновником из дворян Красинским. «Кавказец» – очерк, написанный Лермонтовым спустя год после окончания романа. Жанр – физиологический очерк. Описанный офицер чрезвычайно напоминает Максима Максимыча, перед читателем предстает типичная история жизни подобного «кавказца». Драма «Два брата», в которой фигурирует Александр Радин, ближайший предшественник Печорина. **Истоки и предшественники.** Лермонтов намеренно преодолевал авантюрную романтическую традицию романов на кавказскую тему, заданную Бестужевым-Марлинским. Роман Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века» вышел в 1836 г. и тоже повествует о «болезни», разумея «пороки поколения». Руссоистская традиция и разработка мотива любви европейца к «дикарке». Например, у Байрона, а также пушкинские «Цыганы» и «Кавказский пленник». Пушкинские «Евгений Онегин», «Кавказский пленник», «Капитанская дочка» и проч. «История». Впервые роман был издан в Санкт-Петербурге, в типографии Ильи Глазунова и К°, в 1840 г., в 2 книгах. Тираж 1000 экземпляров (<https://www.livelib.ru/book/1001350557>).

Этот обзор демонстрирует филологическую эрудицию, приспособленную для массового пользования. Он не дает готовой интерпретации текста, но вписывает его в определенную литературную традицию, что позволяет заинтересованному читателю найти близкие по характеру произведения в творчестве Лермонтова («Княгиня Лиговская», «Кавказец», «Два брата»), его современников (А.А. Бестужев-Марлинский, А. Мюссе) и предшественников (Ж.-Ж. Руссо, Д.Г. Байрон, А.С. Пушкин). Дальнейшему ориентированию в «Живой библиотеке» помогают личные страницы авторов, помеченных тегом «Русская классика» (около 250 страниц). Здесь отмечается индекс популярности (наверху Булгаков, Достоевский и Толстой – 56578, 41567 и 29614 читателя на 24.01.2016), даются портрет и подробная биография, приводится список произведений разных жанров (их можно купить и прокомментировать) и экранизаций, а также подборка «интересных фактов» и ссылки на персональные интернет-ресурсы и статьи критиков / литературоведов (произвольно выбранные, часто дилетантские). По сути, LiveLib развивает на новом уровне, приспособленном к условиям современной массовой культуры, установки «народных библиотек» 1990-х гг., с тем отличием, что переносит акцент на коммуникацию с читателем. У Кротова или

Мошкова она была сведена к минимуму. В «Живой библиотеке», как социальной сети, основной смысл заключается в читательском рецензировании и обмене мнениями о прочитанном.

Функционирование классики в LiveLib ставится в зависимость исключительно от читательской рецепции, что порождает противоречивые тенденции. С одной стороны, это ориентирует на актуальное восприятие в свете экзистенциального опыта реципиента, включает текст в индивидуальную историю личности, позволяя ему из «музейного экспоната» стать живым явлением настоящего. Интересен в подобном контексте раздел «Истории», где читатели рассказывают о биографических ситуациях, связанных с определенным произведением. В большинстве случаев, как и отзывы в других библиотеках, только развернуто, они описывают первоначальную трудность погружения в текст, определенную опытом предшествующего школьного отчуждения (или прямого неприятия), спецификой художественного языка, различием исторических реалий, а затем передают радость от падения барьеров и погружения в созданный писателем мир. Эта поэзия «совпадения с текстом» весьма различна по эмоциональной окраске – от лирики и мистики до иронии, когда предметом становится какой-нибудь забавный эпизод¹ и ощутимо вытесняет все, что относится к более глубоким уровням идентичности – национальным, историческим, социальным, мировоззренческим. Рассказов последнего плана мало, даже если текст их провоцирует. Например, гоголевский «Ревизор» вызывает следующую реакцию, замкнутую в круге индивидуальных «карьерных» перспектив: **«Эх, мне бы так свезло! После прочтения этого произведения,**

¹ Например, о «Докторе Живаго»: «Вы знаете, что такое мигрень? Нет? О, вы счастливый человек. <...> А причем тут автобус? И вообще зачем я рассказываю про мигрень в этом месте? А затем, что два дня назад, будучи в таком состоянии, включил плеер, на котором была аудиокнига “Доктор Живаго”. И вот удивительное дело – ни радио, ни мой плей-лист не могли отвлечь меня от мысли, что ГОСПОДИ КАК ЖЕ У МЕНЯ БОЛИТ ГОЛОВА ГОСПОДИ ЗА ЧТО? ГОСПОДИ Я СДОХНУ В ЭТОМ АВТОБУСЕ Я НЕ ДОЕДУ ДОМОЙ НО ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ И МНЕ УЖЕ ПОФИГУ ЧТО ПОСЛЕ МЕНЯ ОСТАНУТСЯ ДВОЕ ДЕТЕЙ ГОСПОДИ Я ПРОСТО НЕ МОГУ ЭТО ТЕРПЕТЬ!!!!!!!!!!!! Но включив аудиокнигу, через минуту я вдруг забываю о том, что жизнь настолько плохая. Нет, я немного чувствую, как стреляет в висок, и в затылок, и в глаз, но я могу об этом НЕ ДУМАТЬ! По крайней мере до своей остановки, когда придется вытаскивать наушники. То есть минут на тридцать. Господи, счастье-то какое! Пастернаку надо будет за это свечку за упокой. И озвучившему “Доктора Живаго” Евгению Терновскому – тоже» (serovad, пунктуация авторская; <https://www.livelib.ru/book/1001398555/stories#stories>).

мне так захотелось стать кем-то другим! Не маленькой девочкой, а богатой знатной особой, со связями, шикарными поместьями. Только вот ради этого надо либо появиться в нужное время в нужном месте, либо просто перестать быть собой! Ну, второй вариант намного проще! Хотя и первый тоже не плох. И тут я задумалась: “А может быть, воспользоваться этим знанием, да и прикинуться кем-нибудь?” Правда, кем? Ну, можно начать с того, с чего начинают люди на улицах – притвориться бедной больной девочкой и просить милостыню? Нет, не пойдет. А может?.. Эх, остановлюсь-ка я лучше на варианте “быть собой”. Мне так будет проще. :)» (freepaperkoala) (<https://www.livelib.ru/book/1000470321/stories#stories>).

В результате актуализация классики, во-первых, ощутимо связывается с эмоциональным восприятием, отодвигая на второй план рефлексию, а во-вторых, замыкается в пределах личного мира и никак не определяет взаимодействие с другими людьми (за исключением довольно частых эпизодов сдачи экзаменов в школе или университете), т.е. выключается из социальной коммуникации. Мир классических произведений предстает сферой рекреации, мало отличаясь в функциональном плане от других пластов литературы, в том числе массовой.

В разделе рецензий читатели, по законам жанра, переносят акцент на интерпретацию текста, хотя и здесь биографические сюжеты также присутствуют. Среди авторов немало людей с филологическим образованием, в том числе работающих по профессии (учителя, преподаватели, журналисты), и своим опытом взаимодействия с произведениями они щедро делятся. Однако коммуникативная система социальной сети построена на внеиерархических связях, и любая оценка, будучи равноценна всем прочим, встраивается в коллективный горизонт ожидания, вольно или невольно учитывающийся рецензентами. Для читателя, обращающегося к этим страницам сайта, важно сформировать для себя интегральное мнение и определить, выбрать данный текст или нет. Точкой встречи рецензентов и читателей, обеспечивающей взаимопонимание, становится опыт максимально общий, универсальный. Это, опять-таки, редуцирует обращение к национальным, историческим, религиозным, философским или социальным аспектам, провоцирующим на поиск различий, а на первый план выдвигает психологический смысл произведений: абсолютно преобладающая часть рецензий – это реконструк-

ция и интерпретация переживаний, мотиваций, состояний героев. В итоге разделы «Истории» и «Рецензии» зеркально отражают друг друга, репрезентируя психоэмоциональный мир читателя в первом случае и героя во втором.

Образцом может служить раздел, посвященный произведениям Л. Толстого. Из накопившихся с 2007 г. около полутора тысяч рецензий здесь темы, ощутимо выходящие за пределы психологического комментария, поднимают порядка ста пятидесяти, т.е. не более 10%. Предметами их чаще всего являются тексты, менее популярные среди читателей и напрямую связанные с национально-исторической или религиозно-этической проблематикой, «Севастопольские рассказы» (779 читателей, 19 рецензий), «Крейцера соната» (750 читателей, 77 рецензий), «Хаджи Мурат» (603 читателя, 15 рецензий), «Смерть Ивана Ильича» (477 читателей, 24 рецензии), «Исповедь» (424 читателей, 25 рецензий), «Холстомер» (180 читателей, 11 рецензий), «Путь жизни» (51 читатель, 4 рецензии), «В чем моя вера?» (24 читателя, 1 рецензия) и некоторые другие. В рецензиях на эти тексты процент «оригинальности» существенно возрастает. Для сравнения: у «Войны и мира», абсолютного лидера, – около 22 000 читателей и 500 рецензий, у «Анны Карениной» – 19 000 читателей и 550 рецензий, у «Воскресения» – 3000 читателей и 110 рецензий¹. В рецензиях на первые два романа психологические интерпретации составляют абсолютное большинство, на «Воскресение», где любовная линия подчинена этико-религиозной и социальной, их чуть меньше (около 100). Для примера стоит привести в небольшом сокращении типичную рецензию, построенную на осмыслении личности героев и сути их взаимоотношений (орфография и пунктуация авторские):

«<...> Как сложно бы я ни относилась к личности Толстого, как бы ни были с ним несогласна во многих моментах (в основном, в других произведениях), но женскую душу, характер, мотивы он знает так, словно сам на какое-то время побывал в женской шкуре. Не могу поверить, что личность Карениной выписана мужчиной. Я считаю, что написать связный отзыв на это произведение практически невозможно, поэтому просто покидаю тут в кучу разрозненные мысли.

¹ Поскольку один пользователь может быть читателем нескольких текстов, общее количество не совпадает со статистикой популярности автора: на 24.01.2016 у Л. Толстого это 29 614 читателей.

1. Несмотря на то, что в название вынесена «Анна Каренина», весь роман можно разделить на две части, с которыми совершенно непонятно, какая главнее. Лёвин и Каренина, эти два мира слабо пересекаются. Причём линия Лёвина начинается до появления на сцене романа анны, а заканчивается (ну, не линия, а повествование о нём) задолго после всего этого. Можно ли считать эти две линии противопоставлением? При большой натяжке – можно. Лёвин ищет в жизни своё место, то самое, на котором будешь чувствовать себя в своей тарелке. Находит ли он его – вопрос спорный, потому что что хоть Лёвин и близок к гармонии, но он ещё в пути. Скорее всего, он так и будет бесконечно двигаться в нужном ему направлении... Но вся прелесть в том, что направление будет действительно нужное и правильное, пусть его и одолевают сомнения. Сомнения – это нормально. А вот Анна, прелестная, умная и самобытная Анна, изначально попала в «чужую тарелку», и как бы прекрасно в ней ни было, как бы мы ни ругались на неё <...>. Если утрировать, то не по фэн-шую сложилась её жизнь, не так, как требует её натура. И общество того времени таково, что понять это несоответствие можно только со стороны, ну вот как мы читаем роман, например.

2. Из описаний Толстого можно понять мотивы поступков каждого героя. Понять, но необязательно принять. При желании можно обосновать точку зрения, что в сложившейся ужасной ситуации не виноват вообще никто. Каждый сам решает, за кого он или против кого. Мне больше всего жалко Каренина. Он не виноват в своём темпераменте, который полностью не совпадает с темпераментом Анны. Сама Анна мне несимпатична, как несимпатичны все женщины с таким характером. Но понять её я тоже могу. Ей хочется в жизни драйва, энергии. Она собственница, мужчина должен принадлежать ей без остатка. И даже Вронский, который, казалось бы на первый взгляд, подходит ей, на самом деле недостаточно пылкий, чтобы поддерживать в Анне огонь.

3. Часть про социальные, экономические и общественные проблемы читать было довольно легко. Но представляю, как скрежещут зубами иностранцы, взявшиеся за «Анну Каренину». Нужно не только неплохо разбираться в исторической ситуации того времени, но и во всех направлениях общественной мысли. <...> Толстой не ленится описываться мельчайшие бантики на нарядах дам, точно так же он не ленится описывать малейшие оттенки движения общест-

венных идей. И хотя мы понимаем, что Лёвин с его говорящей фамилией является проводником мыслей самого автора, это подано не слишком навязчиво <...>. Можно даже говорить о том, что в «Анне Карениной» Толстой показал себя почти беспристрастным хроникёром. О том, позиция какого из героев ему кажется правильной, мы можем судить только по тому, как складывается их судьба.

4. Измена и ревность. Эти два явления Толстой изучает до мельчайших подробностей, делает выводы и... Обрушивает всё на читателя. <...> Гениально. Особенно ревность, этот отвратительнейший и тончайший яд... Как мучительно смотреть, как Анна пропитывается им с головы до ног, пока этот яд не начинает отравлять существование не только ей самой, но и всем окружающим. В самую точку.

5. Непонимание. Одна из черт Анны, которую я так и не смогла понять и принять – её отношение к Каренину. Когда она костерит его, на чём свет стоит, в этом всё равно чувствуется фальшь. Ведь мы знаем, что он любит её в соответствии со своим редким характером. И она не может этого не знать. Но Анна сознательно накручивает себя, распаляет, заставляет в запале саму себя обвинять его в бездушии, холодности и своей загубленной жизни. Почему она это делает? <...> Уж не потому ли, что иначе ей придётся признать, что причина измены всё-таки в ней самой, в окружающем обществе, которое силой свело их вместе, вообще в лицемерных и фальшивых правилах того времени?

6. Дьявол в мелочах. Толстой так умело создаёт атмосферу, что она, по большей части, только чувствуется, но не улавливается конкретно. Тревога из-за жёсткого описания поездов, постоянная путаница, ошибки, какая-то общая неразбериха. Воистину «Всё смешалось...»

Я бы этот роман всовывала в руки всем подряд, если бы его готовы были читать с открытым к новому умом. Кому? Да действительно всем. Юным девочкам, только мечтающим о любви и отношениях. Непонимающим женское поведение мужикам (то есть, почти всем мужикам). Зрелым дамам, унывающим и сожалеющим о том, что могло бы быть, но чего не было. Да ну к чёрту эту конкретику, действительно всем. <...>

И такая простая и ясная мысль после восьми сотен убористого текста: нужно искать в жизни своё место, не поддаваться условно-

стям, и тогда всё будет тип-топ» (TibetanFox; <https://www.livelib.ru/author/5497/reviews>).

Эта статистика, имеющая, конечно, приблизительный характер, демонстрирует тенденции, которые определяют современный вид национального литературного канона. В условиях доминирования горизонтальных связей, когда главными становятся читательские оценки, мало корректируемые другими литературными институтами (критика, литературоведение, школа, книгоиздание), на первый план выходят тексты, интересные с точки зрения эмоциональной насыщенности, занимательности и психологической узнаваемости героев. Они определяют стихийно складывающийся «модный канон» классики, в котором можно усмотреть тяготение к популярным жанровым схемам любовного, авантюрного и мистического романа. Это, в частности, объясняет, почему именно произведения, имеющие эти элементы в отчетливом виде, находятся на вершине популярности – «Мастер и Маргарита» Булгакова, романы Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы») и Толстого («Война и мир», «Анна Каренина»), а ближайшими их соседями – в порядке убывания – оказываются Гоголь («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Вий», «Мертвые души»), Пушкин («Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Дубровский» и «Капитанская дочка»), Лермонтов («Герой нашего времени»), Набоков («Лолита»), Тургенев («Отцы и дети»), братья Стругацкие («Пикник на обочине» и «Трудно быть богом») и Куприн («Гранатовый браслет»). Во многом подобный тип рецепции сближает авторитетные памятники прошлых эпох с установками «формульной», по определению Д. Кавелти, литературы, где доминирует устойчивый этикет [19]¹, что помогает адаптировать «музейное» наследие к стандартам массовой словесности.

Применительно к современной литературе инструментами в формировании моды и, как следствие, читательских интерпретационных схем выступают активные методы продвижения, инициируемые, как правило, книготорговыми сетями, издательствами и журналами, – рейтинги бестселлеров, литературные премии, экранизации, реклама, рецензирование. В случае классики таких заинтересован-

¹ О своеобразии канона в формульной литературе см. в переводной статье Дж. Кавелти [20].

ных акторов просто не существует, а периодические имиджевые акции, вроде коллективных чтений «Войны и мира», не изменяют горизонты ожиданий публики, сложившихся схем восприятия. Единственным, пожалуй, инструментом здесь являются экранизации: большинство упомянутых выше произведений их удостоились, что актуализировало читательский интерес и внесло новые моменты в рецепцию. В коммерческих библиотеках значимость этого института учитывается и подчеркивается постоянным разделом «Экранизации». Впрочем, влияние жанровых киноформ (сериал, мелодрама, исторический фильм, готика и др.) на восприятие массовым читателем классики и на формирование национального канона – большая тема, требующая отдельного осмысления (подступы к ней см.: [21, 22, 23]).

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
2. *Kermode F.* The Classic: Literary images of permanence and change. New York: Viking Press, 1975.
3. *Дубин Б.В.* Идея «классики» и ее социальные функции // Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010. С. 9–42.
4. *Brooks J.* Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics // Nation and Ideology / Banac I., Ackerman J.G., Szporluk R., eds. Boulder: Columbia University Press, 1981. P. 315–334.
5. *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton: Princeton University Press, 1985.
6. *Добренко Е.А.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.
7. *Добренко Е.А.* Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999.
8. *Соцреалистический канон:* сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера и др. СПб.: Академический проект, 2000.
9. *Дубин Б.В.* Слово–письмо–литература: очерки по социологии современной литературы. М., 2001.
10. *Дубин Б.В.* К проблеме литературного канона в нынешней России // Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 66–75.
11. *Смоленский В.* Русская сетевая литература // Russian Culture on the Threshold of a New Century / Т. Mochizuki (ed.), Sapporo: Slavic research center, Hokkaido University, 2001. P. 190–207.

12. Долгополов А.Ю. Формирование литературного процесса в российском Интернете: Структура, особенности организации и функционирования: дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2005.

13. *Control + Shift*. Публичное и личное в русском интернете = Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet: сб. Ст. / под ред. Н. Конрадовой, Э. Шмидт, К. Тойбинер. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

14. *Coati E.* Russian Readers and Writers in the Twenty-first Century: the Internet as a Meeting Point / PhD Thesis. Manchester: University of Manchester, 2012.

15. *Schmidt H.* "Holy Cow" and "Eternal Flame": Russian Online Libraries // *Kultura*. 2009. № 1. Notes From The Virtual Untergrund. Russian Literature On The Internet. S. 4–8.

16. *Strukov V.* Digital (After-)Life Of Russian Classical Literature // *Kultura*. 2009. № 1. Notes From The Virtual Untergrund. Russian Literature On The Internet. S. 9–10.

17. *Мьёр К.* Онлайн-библиотека и классический литературный канон в постсоветской России: Замечания о Фундаментальной электронной библиотеке «Русская литература и фольклор» / пер. с англ. В. Третьякова // Новое литературное обозрение. 2011. № 109. С. 323–337. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/m32.html>

18. *Вигурский К.В., Горный Е.А., Пильщиков И.А.* Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»: Первые итоги. Задачи. Перспективы // Электронные библиотеки [электронный журнал]. 2002. № 5. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2002/part5/VGP>.

19. *Cawelti J.* Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1976.

20. *Кавелти Дж.* Канонизация, современная литература и детектив / пер. и вступ. слово В. Дёмин, Т. Амирян // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы седьмых Андреевских чтений. М.: Экон, 2009. С. 380–393.

21. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Письменное и аудиовизуальное в культуре // Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М., 1994. С. 152–166.

22. *Касне И.М.* Рукописи хранятся вечно: телесериалы и литература // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 278–294. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/ka18.html>

23. *Мильдон В.И.* Другой Лаокоон, или О границах кино и литературы: Эстетика экранизации. М.: РОССПЭН, 2007.

WHAT TO READ, OR THE DEBRIS OF CANON: THE CLASSICS IN COMMERCIAL ELECTRONIC LIBRARIES OF RUNET

Текст. Книга. Книгоиздательство – Текст. Книга. Издательство, 2016, 3 (12), pp. 57–76.

Kiselev Vitaliy S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: sociology of literature, national literary canon, electronic library, mass culture.

The article is devoted to the new configuration of the national literary canon, emerging within commercial electronic libraries of the Russian-speaking Internet. The subject matter is the strategy of representation of the classical heritage in the libraries Aldebaran, My-Book, Librusec, LitRes, LiveLib and its reception in the readers' feedback. It is concluded

that the functioning of the classics here, in the absence of other significant socio-cultural actors, is made dependent on the reader's perception. On the one hand, it promotes the removal of the "school" exclusion and includes text in the personal history. On the other, the horizontal level of communication actualises the most common, henotic experience of readers / reviewers that reduces the appeal to national, historical, religious, philosophical or social aspects, and puts forward texts that are interesting from the point of view of emotional intensity, entertaining and psychological awareness of heroes. They define the spontaneously formed "fashion canon" of classics, in which an attraction to popular genre patterns of adventure, mystery and romance can be seen.

References

1. Anderson, B. (2001) *Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from English by V.G. Nikolaev. Moscow: KANONpress-Ts, Kuchkovo pole.

2. Kermode, F. (1975) *The Classic: Literary images of permanence and change*. New York: Viking Press.

3. Dubin, B.V. (2010a) *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classic, after and next: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 9-42.

4. Brooks, J. (1981) Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics. In: Banac, I., Ackerman, J.G. & Szporluk, R. (eds) *Nation and Ideology*. Boulder: Columbia University Press. pp. 315-334.

5. Brooks, J. (1985) *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917*. Princeton: Princeton University Press.

6. Dobrenko, E.A. (1997) *Formovka sovetskogo chitatelya: sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury* [Forming the Soviet reader: Social and aesthetic conditions of Soviet literature reception]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.

7. Dobrenko, E.A. (1999) *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury* [Forming the Soviet writer. Social and aesthetic origins of the Soviet literary culture]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.

8. Günther, H. et al. (eds) (2000) *Sotsrealisticheskiy kanon* [The Socialist Realism canon]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.

9. Dubin, B.V. (2001) *Slovo-pis'mo-literatura: ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury* [Word – Letter – Literature: Essays on the sociology of contemporary culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Dubin, B.V. (2010b) *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classic, after and next: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 66-75.

11. Smolenskiy, V. (2001) Russkaya setevaya literatura [Russian net literature]. In: Mochizuki, T. (ed.) *Russian Culture on the Threshold of a New Century*. Sapporo: Slavic research center, Hokkaido University. pp. 190-207.

12. Dolgoplov, A.Yu. (2005) *Formirovanie literaturnogo protsessa v rossiyskom Internetе: Struktura, osobennosti organizatsii i funktsionirovaniya* [Formation of the literary process in the Russian Internet: Structure, characteristics of the organization and functioning]. Philology Cand. Diss. Tolyatti.

13. Konradova, N., Schmidt, E., Toybiner, K. (eds) (2009) *Control + Shift. Publichnoe i lichnoe v russkom internete* [Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Coati, E. (2012) *Russian Readers and Writers in the Twenty-first Century: the Internet as a Meeting Point*. PhD Thesis. Manchester: University of Manchester.
15. Schmidt, H. (2009) "Holy Cow" and "Eternal Flame": Russian Online Libraries. *Kultura*. 1. pp. 4-8.
16. Strukov, V. (2009) Digital (After-)Life Of Russian Classical Literature. *Kultura*. 1. pp. 9-10.
17. Mër, K. (2011) Onlayn-biblioteka i klassicheskiy literaturnyy kanon v postsovetskoy Rossii: Zamechaniya o Fundamental'noy elektronnoy biblioteke "Russkaya literatura i fol'klor" [Online Library and the Classic Literary Canon in Post-Soviet Russia: Notes on the Fundamental Electronic Library "Russian literature and folklore"]. Translated from English by V. Tretyakov. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 109. pp. 323-337. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/m32.html>
18. Vigursky, K.V., Gornyy, E.A. & Pilshchikov, I.A. (2002) Fundamental Digital Library "Russian Literature and Folklore": State of the Art. *Elektronnye biblioteki – Russian Digital Libraries*. 5. [Online] Available from: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2002/part5/VGP>. (In Russian).
19. Cawelti, J. (1976) *Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
20. Cawelti, J. (2009) [Canonization, modern literature and detective]. Translated from English by V. Demin, T. Amiryany. *Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya* [Literature of the 20th century: Results and prospects of the study]. Proc. of the Seventh Andreev Readings. Moscow: Ekon. pp. 380-393. (In Russian).
21. Gudkov, L.D. & Dubin, B.V. (1994) *Literatura kak sotsial'nyy institut. Stat'i po sotsiologii literatury* [Literature as a social institution. Articles on the sociology of literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 152-166.
22. Kaspe, I.M. (2006) Rukopisi khranyatsya vechno: teleserialy i literatura [Manuscripts are kept forever: TV series and literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 78. pp. 278-294. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/ka18.html>.
23. Mildon, V.I. (2007) *Drugoy Laokoon, ili O granitsakh kino i literatury. Estetika ekranizatsii* [Another Laocoon, or About the Boundaries of Cinema and Literature. Aesthetics of Adaptations]. Moscow: ROSSPEN.